

К ИСТОРИИ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОГО ТИПА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ: СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

П.А. Семенов

ЧОУ ВПО «Балтийский институт экологии, политики и права»,
Санкт-Петербург

В статье рассматриваются особенности языковой композиции оды Стефана Яворского «Стихи на измену Мазепы» (1709): динамика модально-временных форм, особенности использования тропов, фигуративно-синтаксическая структура текста.

Ключевые слова: Петровская эпоха, церковнославянский язык, книжно-славянский тип русского литературного языка, силлабическая поэзия, языковая композиция

1. Вступительные замечания. Петровская эпоха, по мнению большинства ученых, была последним периодом церковнославянского-русского двуязычия [9, с. 252]. Церковнославянский язык и близкий ему книжно-славянский тип русского литературного языка в это время стремительно утрачивает свое значение, сужается сфера его функционирования [4, с. 163]. Основная сфера его применения — церковно-религиозная литература. В художественной литературе «наиболее прочные позиции он занимал (но уже в том измененном виде, который он получил в литературе «барокко») в панегирической поэзии, которая оставалась тесно связанной с традициями XVII в.» [4, с. 164]. Однако авторами «светских» виршей были по преимуществу те же церковные писатели и проповедники, создатели церковно-религиозных произведений. Одним из таких ярких и неоднозначных деятелей Петровской эпохи был Стефан Яворский. Языковая композиция его оды «Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России» (1709) [11, с. 262-264] является предметом анализа в настоящей статье.

Стефан Яворский (1658–1722), как и большинство деятелей петровского времени, фигура противоречивая. Родился Стефан в православной семье в местечке Явор на Волыни (в те времена — территория Польши), был крещен именем Симеон. Из-за униатских притеснений семья была вынуждена переехать в Нежин. Юноша воспитывался у Варлаама Ясинского, иеромонаха Киево-Печерского монастыря, впоследствии ректора Киево-Могилянской академии и митрополита Киевского. По окончании академии Стефан решает получить «полноценное» европейское образование в Польше. Для этого он принимает униатство, взяв новое имя Станислав-Симон. В таком религиозном двурушничестве в то время не было ничего необычного. П.Е. Бухаркин пишет, что так поступали многие стремящиеся к знаниям молодые украинцы: «не удовлетворенные тем, что могла дать Киево-Могилянская академия (а ничем лучшим в сфере образования православная церковь в то время не обладала), они могли осуществить свои желания лишь в неправославных учебных заведениях. Естественно, они выбирали, как правило, самое близкое — польские университеты

и коллегииумы. Но для того чтобы там учиться, необходимо было принять католичество, хотя бы в греко-католическом (т. е. униатском) его варианте. Так и поступали. А вернувшись, приносили покаяние и воссоединялись с родной украинской православной церковью, с пониманием смотревшей на подобные вынужденные эскапады» [3, с. 150]. Стефан Яворский учится в иезуитских училищах, сначала в Лемберге (Львове), затем в Познани, Люблине, Вильне, где прослушал полный курс философии и богословия. В 1687 г. он вернулся в Россию, вновь перешел в православие, принял монашество и был пострижен в Киево-Печерском монастыре под именем Стефана. В Киеве Стефан становится широко известным проповедником и церковным писателем, преподает риторику в Киево-Могилянской академии.

В 1700 г. Стефан был послан митрополитом Ясинским по церковным делам в Москву, там он был замечен Петром I и оставлен в столице. Петр высоко оценил проповеднический талант Стефана, рассчитывая найти в нем соратника и пропагандиста своих реформ. Стефан делает стремительную церковную карьеру: 1700 г. — митрополит Рязанский, 1701 г. — ректор Славяно-греко-латинской академии, блюститель Московского Патриаршего Престола. Однако очень скоро он становится противником петровских преобразований, особенно тех, которые урезали привилегии церкви. Целый ряд его проповедей содержит резкую критику нравов двора и самого Петра. В.М. Живов в качестве свидетельств первых серьезных столкновений Стефана с царем называет ряд его проповедей, напр. Слово 1708 г. на день св. Иоанна Златоуста (13 ноября), «Слово на соблюдение заповедей божиих», произнесенное на день св. Алексея, человека Божия 17 марта 1712 г. Как известно, царевич Алексей был крещен во имя св. Алексея, человека Божия, и все слово Стефана пронизано аналогиями и прямым сочувствием царевичу [5, с. 125–128]. Впрочем, отношения Стефана Яворского с царем не столь однозначны. Его отношение к реформам и делам Петра правильнее было бы определить как *духовную оппозицию*, а не политическую. Как справедливо отмечает П.Е. Бухаркин, у Стефана не было какой-либо четкой альтернативной Петру политической программы, «Стефан не сливался с атмосферой, образовавшейся вокруг Петра, и внутренней своей независимости не терял. За этим стояло то же, что определяло и литературное творчество, — отчетливо религиозный склад его сознания... Яворский тяготился святительскими обязанностями, неоднократно просил царя отпустить его с епископской кафедры... И царь внутренне побуждения своего оппонента понимал и, очевидно, относился к нему не без оттенка уважения... Во всяком случае... мученического венца Стефан избежал; более того, давление на него было, по петровским временам, очень мягким» [3, с. 164–165]. В 1721 г. Петр даже назначает его на высшую церковную должность — президента Священного Синода, желая, вероятно, добиться лояльности оппозиционно настроенного духовенства.

Для нас в этом плане важно, что политическое и мировоззренческое размежевание имело следствием и размежевание *лингвистическое*: «... размежева-

ние языков (нового литературного языка и языка традиционной книжности) оказывается частным моментом размежевания культур и мировоззрений. С 1710-х гг. вопрос об отношении к церковнославянскому и к новому литературному языку входит в комплекс религиозных, политических, историко-культурных и литературно-лингвистических воззрений, разделяющих две основные группировки этого времени: Петра, Феофана, Гавриила Бужинского, Я. Долгорукова и др., с одной стороны, и царевича Алексея, Стефана Яворского, Феофилакта Лопатинского, Федора Поликарпова и др. — с другой» [7, с. 150].

«Стихи на измену Мазепы» не единственное произведение Стефана Яворского, посвященное украинскому гетману; можно даже говорить о «мазепинском цикле» в творческом наследии проповедника. В киевский период он слагал Мазепе панегирики. Так, в панегирической надписи 1689 г. проповедник именует Мазепу *Российским Алкидом*; в проповеди «Виноград Христов» (1698), произнесенной в церкви на венчании племянника Мазепы, обращаясь к Мазепе и благодаря его за благодеяния, оказанные по возвращении «з наук, с полских сторон», Стефан в поэтическом воодушевлении называет своего «патрона» *добродеем, защитителем, Солнцем, Небом, Источником*. И, конечно, всё мгновенно меняется, как только открылась измена Мазепы. Еще до дня официальной церковной анафемы Стефан пишет памфлет «Позорное эхо всепагубного анафемы», затем — «Слово пред проклятием Мазепы, произнесенное в Московском Успенском соборе 12 ноября 1708 года». Теперь Мазепа — *Антихрист, Сатана, Дьявол, адский наместник, вор, изменник, пес, посмешище всем, дурак* [подробнее см: 12, с. 483–518].

2. Общие черты стиля Стефана Яворского. Оценивая стиль Стефана-проповедника, Н.Д. Блудилина замечает: «Стефан Яворский был одним из образованнейших людей своего времени. Широкая начитанность и своеобразный литературный дар позволяли ему легко оперировать цитатами, именами библейских и античных героев, символами и искусственными образами и аллегориями. Но его церковная проповедь была скована традициями, ей не хватало гибкости и убедительности, естественности и простоты» [2, с. 72]. Вместе с тем произведения Стефана Яворского представляют несомненный интерес для изучения эволюции книжно-славянского типа русского литературного языка в Петровскую эпоху, поскольку этот языковой регистр, наряду с каноническим церковнославянским языком, стал основным источником формирования высокого «штиля» русского литературного языка в последующий, Ломоносовский период. На примере произведений Стефана Яворского любопытно проследить, какие особенности книжно-славянского типа языка оказались востребованы последующим литературно-языковым развитием, а какие не вышли за пределы Петровской эпохи.

Стефан Яворский является видным представителем так называемого «московского барокко». Изучению этого стиля посвящено немало литературоведческих исследований (см. работы А. Адьяла, С. Матхаузеровой, Р. Лахманн, А.А. Морозова, Л.В. Пумпянского, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.М. Панчен-

ко, А.В. Позднеева, А.Н. Робинсона, Л.И. Сазоновой, Л.А. Софроновой и др.) и гораздо меньше лингвистических (работы Б.А. Успенского, В.П. Вомперского, В.М. Живова, Е.Г. Ковалевской, Л.Л. Кутиной и др.). Спорным является сам термин «барокко» применительно к русской литературе второй половины XVII — первой трети XVIII вв. и вопрос о взаимоотношениях барокко и классицизма.

Если очень кратко суммировать всё написанное о взаимоотношениях барокко и классицизма в России, то всё разнообразие точек зрения на обозначенную проблему можно свести к двум основным: 1) расширительное понимание барокко, распространение этого направления на весь XVIII век, идея «исторического совмещения» барокко и классицизма в «петербургский» период (А.А. Морозов, Р. Лахманн и авторы, принадлежащие к Московско-тартуской семиотической школе: Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.М. Живов); 2) расширительное понимание классицизма, свойственное исследователям петербургской филологической школы (П.Н. Беркову, А.И. Соболевскому, И.П. Ереминому); в той или иной степени эта точка зрения представлена и в работах «москвичей»: Д.Д. Благого, В.И. Федорова и др. авторов; при таком подходе эпоха барокко заканчивается в начале XVIII века (П.Н. Берков вообще отрицал существование барокко в России). Наличие *элементов барокко* в литературе и искусстве XVIII века при этом не отрицается, но эти элементы носят формально-декоративный характер и не затрагивают содержательных основ нового классицистического искусства.

Но форма всегда является средством воплощения определенного содержания, что особенно наглядно проявляется в языке. Именно на уровне использования языковых форм можно увидеть, изменилось ли в XVIII в. содержательное (идейное, смысловое) наполнение ряда формальных приемов, которыми пользовалась литература барокко. Интересный материал в этом отношении дает силлабическая поэзия и проповеди Стефана Яворского.

3. Языковая композиция «Стихов на измену Мазепы». Анализируя языковую ткань «Стихов на измену Мазепы», следует учитывать, что средневековая культура слова, приверженцем которой на всем протяжении своей творческой жизни был Стефан Яворский, — это *риторическая культура*, в которой основным строительным материалом текста была *словесная формула*, а с содержательной точки зрения текст распадался на *топосы* — законченные в смысловом отношении фрагменты текста, «речевые куски», в пределах которых получает развитие та или иная тема [8, с. 136-147].

Лингвистический анализ топосов предполагает, на наш взгляд, ответы на следующие вопросы: а) в каком модально-временном и персональном ключе ведется изложение; б) тропеическая структура топоса (образный строй и его генезис); в) фигуративно-синтаксическая структура топоса; г) соотношение церковнославянских и русских форм в структуре топоса, наличие европеизмов, мифологизмов, элементов «галантного языка», их обязательность (необязательность) в структуре данного топоса; д) словесные формулы, их генезис и транс-

формация в структуре топоса. Следует иметь в виду, что не все эти признаки одинаково значимы для характеристики любого текста. В дальнейшем анализе мы остановимся на трех составляющих языковой композиции: 1) динамика модально-временных форм; 2) тропеическая структура текста; 3) фигуративно-синтаксическая организация текста.

3.1. Динамика модально-временных форм. Грамматическим каркасом, создающим языковую композицию текста, являются глагольные формы. Как и любой риторический текст, ода С. Яворского, состоящая из 11 строф, четко членится на вступление (приступ), основную часть (включающую в себя ряд композиционных блоков) и заключение (воззвание). В смене модально-временных планов прослеживается достаточно строгая закономерность.

1) Наиболее разнообразен в модально-временном плане *приступ*, поскольку в нем формулируется основная тема (измена Мазепы), основной тезис (отношение к этому России) и основная идея (возмездие, божья кара отступнику):

*Изми мя, боже, — вопиет Россия —
От ядовита и лютаго змия,
Его же ждаша адския заклеты, —
Бывшаго вожда Ивана Мазепы.
Ах, тяжку горесть терпит мати бедна,
Утробу мою снедает ехидна.
Кто мне даст слезы, якоже Рахиле?
Восплачу горько о моем смутном деле (262).*

Как видим, здесь есть императив, обращенный к богу (*изми мя, боже*), презенс (*горесть терпит мати бедна, утробу... снедает ехидна*) и футуральные формы (*даст слезы, восплачу горько*), которые задают последующее развертывание текста, поскольку все последующие строфы представляют собой плач от лица России. Выбивается из общего ряда аорист *ждаша* — форма, не являющаяся облигаторной: на ее месте вполне могла быть форма настоящего (будущего) времени. Очевидно, что здесь аорист — элемент стилистической отделки текста, но считать его семантически пустой формой не следует, поскольку согласование по лицу и числу не нарушается (*заклеты — ждаша*), и сама измена Мазепы — факт прошедшего («мимошедшего»). Это так называемое прошедшее живописующее, связывающее прошлое и будущее (причина будущих адских мук в прошлом — в измене Мазепы). Такое использование претеритов, когда они приобретают вневременное значение, нередко для церковных текстов. Заметим, что *заклеты ада, заклеты рая, заклеты вечные* — устойчивые церковно-книжные формулы. Ср.: *Тече адъ и затвори врата и железными заклеты утверди* (Златая Цепь, XIV в.).

2) Следующий композиционный риторический элемент — *изъяснение*; его задача — раскрыть содержание тезиса (измена Мазепы):

*Се второй Ирод, исполнь смертна яда, –
 Мазена лютый убил мои чада.
 Уподобися Россия Давиду,
 Иже от сына **терпяше** обиду.
 Авессалом сын был неблагодарный,
 Подобен ему Мазена коварный.
Возлюбих его яко мати сына,
 Откуду убо такова измена? (262)*

Поскольку измена Мазепы — свершившийся факт, здесь представлены только формы прошедшего времени, причем автор использует все три формы прошедшего времени, которыми располагает книжно-славянский тип литературного языка: перфект без связки (*Мазена лютый убил мои чада*), аорист (*Уподобися Россия Давиду; возлюбих его яко мати сына*), имперфект (*иже от сына **терпяше** обиду*). Все три прошедших времени здесь на своем месте: перфект обозначает прошедшее актуальное, результат которого в настоящем; аорист — прошедшее совершённое, результат которого остался в прошлом; имперфект — прошедшее несовершенное, и в то же время давно прошедшее (библейские времена). Следовательно, уже анализ этого небольшого риторического блока позволяет сделать предварительный вывод о том, что Стефан Яворский прекрасно осознаёт семантику времен и в целом следует строгой церковнославянской норме (к отсутствию связки при перфекте мы еще вернемся).

3) Следующая часть оды, которую в риторической традиции называют *изложением*, развивает топос измены (*Возлюбих его яко мати сына, Откуду убо такова измена?*). Поставлен вопрос, на который, собственно, и должна дать ответ эта часть риторического построения. И поскольку повествование переносится в план прошлого, то господствующей временной формой в этом композиционном блоке становится аорист (строфы 3–5):

*К нему **бысть** моя матерняя любви,
 Той же **изостри** на мя зубы.
 Аз **сотвори** ѿ с вельможси сидети,
 Той же смертныя **спелете** на мя сети.
 Аз яко чадо **носих** во утробе,
 Той же мя **хочет видети** во гробе.
 Аз **напоих** ѿ из камене меда,
 Той же пагубна **исполни** мя вреда.*

*Толику на мя отрыгнул естъ злобу,
 Люте **снедаюць** матерню утробу.
 Аз любяць его мати **выше меры**,
Чаях от него сыновския веры.
 Той же **бысть** на мя бритва **изошренна**,
 От нея же есмь люте **уязвленна**,
 Яко **прельсти** мя, не **познах** веса
 Аггела видом, **прелестию** ж **беса**.*

*Мнях, яко агнец, но волк ядовитый,
Овчею лестно кожею покрытый.
Сладок языком, но прегорькой делы,
Утаи на мя пагубныя стрелы (262-263).*

На 11 форм аориста (*бысть, изостри, сотвори, сплете, носих, исполни, чаях, прельсти, познах, мнях, утаи*) приходится 2 формы презенса (*хочет* и связка *есмь*) и 1 форма перфекта (*отрыгнул есть*). Очевидно, что появление форм презенса и перфекта не нарушает общего модально-временного плана повествования, поскольку связывает прошедшее с настоящим: в первом случае настоящее актуальное и статив (*мя хочет видети во гробе; От нея же есмь люте уязвленна*), во втором — актуальный результив (*отрыгнул есть злобу*).

4) Следующий композиционный элемент оды — **назидание** (строфы 6-10) — выстроен как каскад риторических вопросов, восклицаний и обращений к изменнику Мазепе:

*Како простерти дерзнул еси длани,
Люте матери уязвити раны?
Аще бы ми враг поносил сугубо,
Претерпела бы казни его любо.
Но от своего чада прелюбима
О, коль матери язва нестерпима!
Что моя вина? Что творих ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?*

*За моя хлебы, за моя трапезы
Горькия в жажду даеши мне слезы.
Горе, проклятый, тебе, лицемеру!
Како дерзнул еси изменить веру,
Юже пред крестом и Евангелием
Утвердил еси твоим лобзанием?
Горе ти, горе, злобы исполненну!
Подобен еси гробу поваплени,*

*Иже снаружи является красен,
Внутрь ядовитым червием ужасен.
Горе ти, горе, второму Каину!
Горе ти, горе, погубленну сыну!
Пролиял еси зверски кровь премногу,
Яже вопиет гласно на тя богу.
Божия храмы быша днесь вертепы
От шведскаго льва и волка Мазепы (263).*

Риторические вопросы и обращения оформлены перфектом со связкой (*дерзнул еси, утвердил еси, пролиял еси*). Связка в данном случае представляет-

ся необходимой, поскольку это форма второго лица, с помощью которой ритор моделирует диалогические отношения. Ту же функцию выполняют и формы настоящего актуального: *Чесо ради мя гониши, Иудо? За моя хлебы, за моя трапезы Горькия в жажду даеши мне слезы; Подобен еси гробу поваплону, Иже снаружи является красен, Внутрь ядовитым червием ужасен; (кровь) вопиет гласно на тя богу.* Презенс и перфект являются, таким образом, господствующими временными формами в этой части оды. Отступления незначительны и тоже вполне закономерны. Единожды появляется форма сослагательного наклонения, вводящая антитезу:

*Аще бы ми враг поносил сугубо,
Претерпела бы казни его любо.
Но от своего чада прелюбима
О, коль матери язва нестерпима!*

*И дважды встретила форма аориста:
Что моя вина? Что творих ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?...
Божия храмы быша днесь вертепы
От шведскаго льва и волка Мазепы.*

Очевидно, что аорист и в первом и во втором случае не разрушает здесь временного плана настоящего. В первом случае настоящее поддерживается обрамляющими риторическими вопросами (*Что (есть) моя вина?* и *Чесо ради мя гониши, Иудо?*). Понятно, что находящийся между ними риторический вопрос (*Что творих ти худо? = что я сделала тебе плохого?*) имеет перфектную семантику и соотносим с настоящим. В последнем примере (*Божия храмы быша днесь вертепы*) с планом настоящего соотносится наречие *днесь*, а форма аориста отсылает к прошедшему, но к **ближайшему** прошедшему.

5) На смену топосу «назидание» приходит топос **упование**, оформленный в футурально-императивном модально-временном ключе (строфы 9–10):

*Друг твой лев, ты волк, ты ярость сугуба,
А людем бедным последняя пагуба.
И что речеши в страшном судици,
Лишенный неба и райския пици?
В крови невинной осквернивший руце,
Повинен еси нестерпимой муце.
Иным речет бог: благий рабе верный,
Поне же благ есть и нелицемерный,*

*Вниди в радости в рай господа бога,
За твою веру се мзда многа.
Тебе же горе, преступниче веры!
Восприимеши часть со львом, лицемеры.*

*Известен буди, яко тебе, вора,
Ад ожидает и погибель скоро (264).*

б) Завершает оду **воззвание** — самая патетическая часть, обращенная к Богу, с абсолютно преобладающими формами императива:

*Боже мой, к тебе молитву пролию,
Услыши горце стелящу Россию.
Ты нам сам суди и мать и сына,
Виждь, чия правда, виждь чия измена.
Суди, господи, обидящия мя,
Посрами гордость востающих на мя (264).*

Как и полагается образцовому риторическому построению, концовка зеркально повторяет зачин, внося при этом и новый содержательный элемент за счет нарастания лексем с мелиоративной семантикой. Ср. зачин и концовку:

*Изми мя, боже, — вопиет Россия —
От ядовита и лютаго змия,
Ах, тяжку горесть терпит мати бедна,
Утробу мою снедает ехидна.*

*Приими мечь и щит, буди помощь моя,
Возсияй ми свет мира и покоя,
Мене, Россию, возвесели бедну,
А ядовитую попри ехидну!*

3.2. Тропеическая структура оды. Широкое распространение в литературе барокко получает принцип **персонификации**. У писателей барокко оживают и произносят речи планеты, части света, страны, моря, реки, природные стихии. Этой традиции следует и Стефан Яворский, у которого всё стихотворение построено как речь России, потрясенной изменой Мазепы.

1) В основе всей оды — развернутое сравнение: Россия — мать, Мазепа — сын неблагодарный, предавший мать и нанесший ей тяжелые раны:

*Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяше обиду.
Авессалом сын был неблагодарный,
Подобен ему Мазепа коварный.
Возлюбих его яко мати сына,
Откуду убо такова измена? (262)*

Здесь, правда, возникает гендерный казус: с одной стороны, Россия — мать, терпящая обиду (сквозной образ оды), с другой — отец (Уподобися Россия Давиду...).

Заданный в изъяснении образ затем развивается во всех последующих строфах:

*К нему бысть моя матерняя любви,
Той же изостри на мя зубы.*

...

*Аз яко чадо носих во утробе,
 Той же мя хоцет видети во гробе.
 ...
 Толику на мя отрыгнул ест злону,
 Люте снедающь матерню утробу.
 Аз любящь его мати выше меры,
 Чаях от него сыновския веры.
 Той же бысть на мя бритва изошрэнна,
 От нея же есмь люте уязвленна (262)
 ...
 Како простерти дерзнул еси длани,
 Люте матери уязвити раны?
 Аще бы ми враг поносил сугубо,
 Претерпела бы казни его любо.
 Но от своего чада прелюбима
О, коль матери язва нестерпима!
 ...
 Горе ти, горе, второму Каину!
 Горе ти, горе, погубленну сыну! (263).*

И, наконец, в заключительной части оды:

*Боже мой, к тебе молитву пролию,
 Услыши горце стеньящу Россию.
 Ты нам сам суди и мать и сына,
 Виждь, чия правда, виждь чия измена.
 Суди, господи, обидящья мя,
 Посрами гордость востающих на мя (264).*

2) Внутри развернутого сравнения «упакован» целый ряд сравнений, образующих ассоциативную связь с исходным образом. Объектом сравнения, как правило, выступают библейские персонажи: *Кто мне даст слезы, якоже Рахиле; Се второй Ирод, исполнь смертна яда, — Мазепа лютий убил мои чада. Уподобися Россия Давиду, Иже от сына терпяше обиду. Авессалом сын был неблагодарный, Подобен ему Мазепа коварный (262).*

По верному наблюдению Л.И. Сазоновой, «Стефан Яворский, обильно украшавший свое польско- и латиноязычное творчество антично-мифологическими реминисценциями, старался избегать их в произведениях на русском языке, отдавая предпочтение развернутым параллелизациям и метафорике, основанным на Библии. Сокращение античного реквизита означало приведение им своих творческих установок в соответствие с состоянием русской литературы того периода и уровнем осведомленности русского читателя» [12, с. 144]. В данном случае мифологические образы неуместны еще и потому, что «Стихи на измену Мазепы» связаны с церковной анафемой. Мазепа представлен прежде всего как нарушитель заповедей божиих (*како дерзнул еси изменити веру...*).

Отсюда и образные номинации, почерпнутые из Библии. Мазепа — *второй Ирод, Авессалом, сатанин сыне, Иуда, Каин*; и соответствующие зоологические метафоры библейского происхождения: *ядовитый лютый змий, ехидна, волк в овечьей шкуре*.

3) **Метафора** в оде тоже играет важную, но всё же подчиненную сравнительную роль. Она есть в каждой строфе и разрабатывает топос *раны*, нанесенной матери изменником сыном. В подавляющем большинстве это глагольно-именные метафоры (метафорическая модель «нанес рану»): *утробу мою снедает ехидна* (262); *исполнь смертнаго яда* (262); *изостри люте на мя зубы* (262); *смертныя сплете на мя сети* (262); *Толику на мя отрыгнул есть злобу, Люте снедающе матерню утробу* (262); *Той же бысть на мя бритва изощренна, От нея же есмь люте уязвленна* (263); *Утаи на мя пагубныя стрелы* (263); *Како простерти дерзнул еси длани, Люте матери уязвити раны?* (263); *О, коль матери язва нестерпима!* (263) и др. По словам А.А. Морозова, метафоры у Стефана «интерферируют, накладываются и наплывают одна на другую», образуя в результате «своеобразное метафорическое поле» [10, с. 36–37].

4) Тема предательства раскрывается с помощью приема контраста «кажущееся — сущее»:

*Аз любящъ его мати выше меры,
 Чаях от него сыновския веры.
 Той же бысть на мя бритва изощренна,
 От нея же есмь люте уязвленна,
 Яко прельсти мя, не познах веса
 Аггела видом, прелестию ж беса.
 Мнях, яко агнец, но волк ядовитый,
 Овчею лестно кожею покрытый.
 Сладок языком, но прегорькой делы,
 Утаи на мя пагубныя стрелы. (262-263)*

Ту же функцию выполняет устойчивое церковнославянское сравнение с повапленным гробом: *Подобен еси гробу поваплени, Иже снаружи является красен, Внутрь ядовитым червием ужасен* (263).

5) В заключение этой части отметим, что метафоричность стиля Стефана Яворского исследователями зачастую сильно преувеличивается. Так, напр., А.А. Морозов пишет о том, что «Яворский выстраивает метафорические цепочки, в которых метафоры образуются путем нескончаемых сближений и пересмыслений отдельных “речений”, чаще всего заимствованных из Библии, из которых извлекается метафорический смысл. Яворский мало помышляет о том значении, в каком оно употреблено в источнике. Он создает новый динамический контекст, в котором одно и то же слово меняет свое значение в каком-то непрерывном круговращении» [10, с. 37]. П.Е. Бухаркин говорит о «тотальной метафоричности» [3, с. 156] произведений Стефана Яворского; по его словам, «в большинстве случаев» у Стефана «метафора являет себя совершенно откры-

то, что проявляется в опущении сопоставительных союзов» [3, с. 161]. В доказательство приводятся следующие примеры «метафор»: *Стрела, яже бо остриий магнит сокрывает, ко звезде полунощной себе обращает. Варлаам же бяше всем во сладость едину, ко Богу ум и сердце возодящи, выну. Или: Светлость свещи проходя сквозе сосуд стеклянный, множитя и болия осязает страны. Варлаам свет смерти ума чистотою прием и zelo того умножи собою* [там же].

Названные исследователи слишком широко и вольно понимают метафору; на деле же все примеры, которые они приводят, являются примерами **сравнений**, а не метафор. Другое дело (лингвистическая сторона вопроса), что сравнение в этот период еще очень редко оформляется с помощью сравнительных союзов (примеры см. выше), а метафоре книжники нередко предпочитают перифразу (*словесные овцы, мысленный взор, российский Геркулес* и т. п.).

Характеризуя поэтику барокко, Л.А. Софронова главным ее принципом, организующим любой барочный текст и даже выходящим за пределы текста, называет принцип контраста. Отсюда — **особая роль сравнения** в тропеической структуре барочного текста: «Контраст, сопоставление того, что на первый взгляд нецелесообразно и невозможно сопоставлять, связаны с таким важным принципом художественного языка эпохи, каким было сравнение. Так как неперменной частью работы художника было установление соотношения между вещами, которые внешне могли и не иметь сходства, предлагалось постоянно искать аналогии решительно всех явлений действительности. Сравнения брались из мира природы, животных. Часты упоминания о льве, слоне, пресмыкающихся, рыбах... Обращаться в поисках сравнения можно было и к человеческому телу, к мореходному искусству, ремеслам, наукам. Сравнения разворачивались, детализировались... Решительно всё в этом мире соотносилось. Не было ни одного явления, которое формально или семантически не было связано с другим» [15, с. 21].

3.3. Фигуративно-синтаксическая структура оды. Отметим три особенности фигуративно-синтаксической структуры «Стихов на измену Мазепы».

1) Прежде всего следует отметить, что они имеют строфическую структуру. Обычно одическая строфа представляет собой период [1, с. 49–50]. Так, в частности, будет у М.В. Ломоносова. Однако о произведении Стефана Яворского этого сказать нельзя: его одическая строфа распадается на отдельные двустушия, скрепленные парной рифмой. Поэтому синтаксис его оды характеризуется относительной простотой. Ср. напр., вторую строфу, в которой каждое двустушие представляет собой отдельное предложение:

*Се второй Ирод, исполнь смертна яда, –
Мазепу лютый убил мои чада.
Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяше обиду.
Авессалом сын был благодарный,
Подобен ему Мазепу коварный.*

*Возлюбих его яко мати сына,
Откуда убо такова измена? (262)*

С точки зрения структуры строф ода Стефана Яворского распадается на две примерно равные части. Первая часть (строфы 1–6), состоит из строф, каждая из которых представляет собой относительно самостоятельное целое, являясь разработкой того или иного топоса. Строфы 7–11 характеризуются более тесной связью: границы между строфами не совпадают с синтаксическими границами, последнее предложение предыдущей строфы продолжается в последующей строфе: *Подобен еси гробу поваплени, // Иже снаружи является красен, Внутрь ядовитым червием ужасен (263); Иным речет бог: благий рабе верный, Поне же благ есть и нелицемерный, // Вниди в радости в рай господи бога, За твою веру се мзда многа (264).*

2) Другой особенностью фигуративного построения его оды является **принцип антитезы**. На этой фигуре построены целые строфы, что обусловлено не только содержанием этого стихотворения, но и общей стилевой доминантой стиля барокко, о которой речь уже шла выше: особой семантической значимостью **контраста**, стремлением литераторов барокко к сопоставлениям и противопоставлениям. «Наличие оппозиционных пар — главная характеристика поэтики барокко» [15, с. 15]. В анализируемом стихотворении можно выделить два вида антитез:

а) антитеза, задающая структуру строфы («строфическая»):

*К нему бысть моя матерняя любви,
Той же изостри на мя зубы.
Аз сотвори ѿ с вельможии сидети,
Той же смертныя спелете на мя сети.
Аз яко чадо носих во утробе,
Той же мя хоцет видети во гробе.
Аз напоих ѿ из камене меда,
Той же пагубна исполни мя вреда (262);*

б) антитезы, задающие структуру предложения («синтаксические»): *Аггела видом, прелестию же беса (263); Мнях, яко агнец, но волк ядовитый (263); Сладок языком, но прегорькой делы (263).*

Все эти антитезы структурируют композиционный элемент «изложение». Первая антитеза оформляется анафорическими местоимениями (*аз — той же*). Второй тип антитез оформляется противительными союзами, частицами и лексическими антонимами.

3) Третьей особенностью фигуративно-синтаксического строя «Стихов на измену Мазепы» является использование **фигур диалогизации**. Поскольку, как уже было сказано, вся ода по форме представляет собой прямую речь России, обращенную к изменнику сыну, она изобилует формами 2-го лица, риторическими вопросами, восклицаниями, обращениями. Эти синтаксические формы

встречаются в девяти строфах из одиннадцати: *Кто мне даст слезы, якоже Рахиле?* (262); *Откуда убо такова измена?* (262); *Како простерти дерзнул еси длани, Люте матери уязвити раны?.. О, коль матери язва нестерпима! Что моя вина? Что творих ти худо? Чесо ради мя гониши, Иудо?* (263); *Горе, проклятый, тебе, лицемеру! Како дерзнул еси изменить веру, Юже пред крестом и Евангелием Утвердил еси твоим лобзанием? Горе ти, горе, злобы исполненну!* (263); *Горе ти, горе, второму Каину! Горе ти, горе, погубленну сыну!* (263); *И что речеши в страшном судищи, Лишенный неба и райския пищи?* (264); *Тебе же горе, преступниче веры!* (264); *Мене, Россию, возвесели бедну, А ядовитую попри ехидну!* (264).

4. Языковые особенности книжно-славянского типа русского литературного языка. Теперь мы можем сделать некоторые выводы о том, какими собственно языковыми (структурно-грамматическими и лексико-семантическими) особенностями обладал книжно-славянский тип русского литературного языка в Петровскую эпоху. В целом языковые особенности книжно-славянского типа в этот период совпадают с нормами церковнославянского языка. Важно только помнить, что все те языковые средства, которые исследователи квалифицируют как стилистические славянизмы, в подавляющем большинстве своем являются *архаизмами*, генетически восходящими к древнерусскому (восточнославянскому) языку в такой же степени, как и к церковнославянскому [см.: Семенов 1999, с. 58–62].

Морфологические нормы церковнославянского языка и книжно-славянского типа («гибридного» языка) подробно исследованы в монографии В.М. Живова [6], поэтому только перечислим здесь архаические грамматические формы, встречающиеся в «Стихах на измену Мазепы»:

1) архаические формы имен существительных: *мати, любви* (И. ед.), *из камене* (Р. ед), *руце, муце* (П. ед.), *людем* (Д. мн.), *делы* (Т. мн.); звательная форма: *О лицемере! О сатанин сыне! Тернием острым красящийся крине! Иудо; рабе верный; преступниче веры;*

2) архаические формы прилагательных и причастий: *второй, благий* (И. ед.); *бывшаго, лютаго, шведскаго льва, райския пищи* (Р. ед.); *адския заклеты, пагубныя стрелы, сладкия слова, горькия слезы, божия храмы* (И. мн.); усеченные формы: *снедающе, любяще, ядовита змия, тяжку горесть, смертна яда, изоцрэнна бритва, от чада прелюбима, погубленну сыну, гробу поваплону, кровь премногу, последня пагуба, стенящу Россию;*

3) простые претериты: *возлюбих, носих, напоих, чаях, мнях, уподобися, исполни, утаи, ждаша, терпяше, бысть;*

4) перфект со связкой: *дерзнул еси, утвердил еси, пролиал еси, отрыгнул есть;*

5) императив: *виждь, буди, услыши;*

6) инфинитив на *-ти*: *сидети, видети, простерти, уязвити, изменить;*

7) формы 2 л. ед. ч. на *-ши*: *гониши, даеши, речеши, восприимеши;*

8) архаические формы местоимений: *аз, от нея, за моя, се, той* (= тот), *и* (= его), *чесо, чия, толику*; стяженные формы: *мя, ми, ти, на мя, на тя*;

9) архаические формы наречий: *люте, како, горце*;

10) архаические союзы, союзные слова, частицы: *ижже, его же, поне же, яко, яко же, юже, аще, убо*.

При этом в «Стихах на измену Мазепы нет *ни одного* признака нового литературного языка, отличавшего книжно-славянский тип языка от канонического церковнославянского: отсутствуют европеизмы, мифологизмы, основанные на них метафоры, сравнения, перифразы (типа *Марсов плуг, фортеция правды* и т.п.). Стихи Стефана могут быть отнесены к любому предателю любого времени. Единственный намек на современность — метонимическая аллегория «Швеция — лев»: *Божии храмы быша днесь вертепы От шведскаго льва и волка Мазепы* (263); *Друг твой лев, ты волк, ты ярость сугуба, А людям бедным последняя пагуба... Тебе же горе, преступниче веры! Восприимеши часть со львом лицемеры* (264). Связано это с мировоззренческими установками автора «Стихов на измену Мазепы»: «Как и Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский как литератор обращен прежде всего и преимущественно к Богу. Конечно, он откликается на происходящее вокруг него, случалось ему писать и прямо на злобу дня. Но за сиюминутным всегда ощущал он вечное, за политическими поступками людей — промысел Божий» [3, с. 162].

5. Заключительные замечания. Исследование языковой композиции «Стихов на измену Мазепы» позволяет нам сделать два вывода — частный и общий.

1) Частный вывод касается языка и стиля Стефана Яворского. Характеризуя стиль Стефана с идеологической точки зрения, И.З. Серман справедливо отмечает, «даже когда Яворский еще следовал за Петром, самая методология его доказательств и доводов в пользу реформ черпалась из старых церковносхоластических руководств, стилистически продолжала традиции литературы барокко, а идеологически не выходила за рамки богословско-догматического понимания смысла политики правительства. Проповеди Стефана Яворского были в полном смысле слова влить в новые мехи старое вино» [14, с.79–80]. В языковом отношении это проявилось в следовании традициям книжно-славянского типа литературного языка. Причем в произведениях Стефана нашла отражение строгая церковнославянская норма, его книжно-славянский тип характеризовался гораздо большей чистотой и в лексико-фразеологическом, и в грамматическом отношении, чем язык многих его современников.

2) Общий вывод относится к характеристике книжно-славянского типа русского литературного языка в рассматриваемый период. Книжно-славянский тип языка был обречен в силу перегруженности грамматической архаикой (прежде всего простыми претеритами и устаревшими падежными формами, которые к этому времени совершенно вышли из употребления в живой русской речи). По отношению к книжно-славянскому типу с полным основанием можно повторить формулу И.З. Сермана о «старом вине», которое пытаются влить «в

новые мехи». Такие деятели Петровской эпохи, как Стефан Яворский, Дмитрий Ростовский, Федор Поликарпов и другие выученики Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий, чье творчество было теснейшим образом связано с традиционной церковной книжностью, пытались приспособить церковнославянский язык («старое вино») к выражению нового содержания, писать на этом языке не только проповеди и панегирики, но и учебники, руководства, делать переводы с европейских языков; однако у церковнославянского языка не хватало арсенала (прежде всего лексических средств) для выражения этого нового содержания.

Можно заключить, что книжно-славянский тип русского литературного языка эволюционировал в двух направлениях: первый путь — неразличимо сливался с церковнославянским языком (в собственно церковно-религиозной литературе); второй — преобразовывался в высокий «штиль» национального русского литературного языка. Первым путем шли такие писатели, как Стефан Яворский, Дмитрий Ростовский, Федор Поликарпов и др. Вторым путем шли Феофан Прокопович, Антиох Кантемир и другие авторы, обновлявшие языковой арсенал книжно-славянского типа прежде всего на лексическом уровне. Оставалось избавить этот тип литературного языка от лексической и грамматической архаики. Эту задачу предстояло решить М.В. Ломоносову.

Список литературы

1. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII –XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. Блудилина Н.Д. Русская нация и русская литература в эпоху Петра I // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 814 с.
3. Бухаркин П.Е. История русской литературы XVIII в. (1700-1750-е годы): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 488 с.
4. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1984. 319 с.
5. Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.
6. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. 656 с.
7. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
8. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
9. Кутина Л.Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 252–262.
10. Морозов А.А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы: памяти акад. В.В. Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 35–44.
11. Русская syllabическая поэзия XVII–XVIII вв. / вст. статья, подг. текста и примеч. А.М. Панченко. Л.: Советский писатель, 1970. 424 с. При цитировании этого издания в тексте статьи в круглых скобках указывается страница.
12. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.

13. *Семенов П.А.* К проблеме разграничения церковнославянского языка восточнославянской редакции и книжно-славянского типа древнерусского литературного языка // Проблемы зiставної семантики. Збiрник статей за доповідями Мiжнародної наукової конференції. Київ, 1999. С. 58–62.
14. *Серман И.З.* Свободные размышления: воспоминания, статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 368 с.
15. *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. М.: Наука, 1981. 264 с.

Об авторе

Семенов Петр Александрович — доктор филологических наук, доцент, декан гуманитарного факультета Балтийского института экологии, политики и права, Санкт-Петербург, e-mail: 2331638@mail.ru